

Шведы поют Высоцкого

ШВЕДСКИЙ «Фриа-протеатерн» сыграл на Таганке спектакль, который называется «Песни Высоцкого». Ведущих солистов трое — Элизабет Нурдквист, Стефан Рингбум и Томас Больмз. Художественный руководитель — Стефан Бём, менеджер — Тина Сарбаш. Довольно долго в зале царит снисходительное радушие. Ну, мол, давайте, шведы, пойте, играйте, а мы поглядим, как вы нас понимаете. Уверенность, что последней глубины Высоцкого им, конечно, не постичь и не осилить. Да и как ее осилить, как выразить всю непереваемость этих слов и интонаций, вспененных невиданным абсурдом жизни?!

А шведы поют песенку про инструктаж перед заграничной поездкой, поют блатные песни, и про алкоголиков, и про коней, и про слесаря шестого разряда. Стефан чем-то неуловимо похож на самого Высоцкого. Элизабет тоже вобрала в

свой голос какую-то нежную хрипотцу того, кого она пытается постигнуть. Томас до времени прячется за свою характерную внешность и ведет комическую стихию зрелища, простого, как мычание.

Принимают хорошо. Директор Таганки Николай Дупак прекрасно конферирует и переводит, но костер разгорается медленно. Во втором акте происходит несколько чудес, которые стоят быть описанными. Сначала поразила Элизабет песней «Смешно, не правда ли, смешно». Зрители напряглись, отлипли от спинок таганских удобных кресел. Зазвучали такая боль, такое острое понимание песни, такое созвучие и соучастие с поэтом, которые не часто услышишь и в родном Отечестве. Потом пришел черед Томаса. Он начал «Баньку по-белому». Издалека начал, глуховато, почти безголосо, с явным напряжением. Почему-то подумалось, что не вытянуть ему никогда этого великого монолога, не потянуть. Уж больно

сильно земное притяжение: крупный увалень, комический артист, если хотите, сентиментальный А. Петренко. И вот он карабкается, этот толстяк Томас, на какую-то ему одному видимую смысловую и звуковую вершину. Никаких уверенных певческих или актерских приспособлений. Карабкается, кажется, обдирая голос в кровь. Возникает зрелище, исполненное глубокого личного драматизма. Маленький комочек души и две паутинки голосовых связок, скрытые в могучем теле, начинают вести с этим материальным телом борьбу. Комочек бьется в грудную клетку, отскакивает, вновь идет приступом. И вдруг совершается вечное чудо актерства: будто отворяется грудная клетка, ворота тюрьмы, душа выпархивает на свободу и начинает гулять по залу. Песня пронзает до последних глубин, она коржит и выпрямляет артиста, мгновенно единит сцену и зал в счастливой муке никак не разрешающегося диссонанса. Отчаяние, тоска, ухарство, страсть, вопль сливаются воедино. Постигая Высоцкого, артист себя постигает, над собой возвышается.

А потом Стефан спел «Охоту на волков» — на том же высочайшем градусе самоотдачи, когда артист не бережет себя, кажется, готов обнажить душу и достать, исторгнуть со дна души тот самый «высоцкий» звук.

Их не отпускали минут тридцать. Они пели, зал запел, и снова, и снова скандировали — «где твои семнадцать лет». По-шведски спрашивали, по-русски отвечали. Рухнули все языковые барьеры, как говорили в старину, началось братание. Для современной сцены, для наших артистов зрелище, предложенное маленькой группой шведских актеров и музыкантов, оказалось, прямо скажу, поучительным. Надо затрачиваться, господа! Школа переживания, школа представления... А тут школа потрясения, восторга, любви, полной самоотдачи. Редкие секунды выключения из своего личного времени, единение с тем, что называли когда-то соборным духом театра.

«Фриа-протеатерн» — это свободный театр. Свободный протейтер. Свободный дотеатр. Так оно и есть.

А. СМЕЛЯНСКИЙ